

**Участие студентов в формах
художественно-творческой деятельности, в %**

Формы деятельности	До поступления в вуз			Во время учебы в вузе		
	I группа	II группа		I группа	II группа	
		ПА	ПБ		ПА	ПБ
Смотры	51,78	38,23	41,46	48,21	34,7	29,26
Фестивали	16,07	14,7	2,43	17,45	15,08	9,75
Конференции	15,47	23,53	15,77	16,04	26,46	31,73
Конкурсы	16,68	23,52	40,34	18,1	23,76	29,26

ля, либо как форму развлечения в виде КВН, праздничных шаржей, «капустников». Понижение участия студентов подгруппы Б в смотрах и конкурсах объясняется тем, что обе формы деятельности «до вуза» не требовали профессиональных навыков, а конкурсы относились к тематике общеобразовательных дисциплин. Отрадно отметить, что целевое направление научных работ студентов, особенно второй группы, связано с ориентацией на перспективный стиль профессиональной деятельности. Однако, если студенты первой группы видят свое будущее в артистической и музыкально-педагогической деятельности в основном в специальных музыкальных учреждениях, то студенты второй группы видят свое предназначение, в первую очередь, в музыкальном просвещении учащихся средних школ.

Из приведенного нами исследования можно сделать следующие выводы. На формирование художественной потребности студентов вузов с музыкальной специализацией большое влияние оказывают познавательные, ценностные ориентации и формы активной творческой деятельности. Эффективность различных форм воспитательной работы в студенческих группах зависит от четкого представления о духовном мире студентов, об уровне их ориентаций и требует индивидуального подхода. При всей детализации учебно-воспитательной работы в системе высшего специального музыкального образования необходимо развитие социальной сферы творчества и подготовки студента к атмосфере работы будущего специалиста.

¹ См.: Постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью.— Правда, 1976, 21 октября; КПСС о культуре, просвещении и науке.—М., 1963.

² См.: Исследование художественных интересов школьников.—М., 1974, с. 66.

С. А. ЯЦКЕВИЧ

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ, ЕГО СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ

Эксперимент как метод научного исследования впервые стал применяться в естествознании нового времени. Его возникновение обычно связывают с именем Г. Галилея, который своими опытами положил начало систематическому экспериментальному изучению явлений природы. Идеальные воззрения на общественную жизнь, стихийный характер социальных процессов и непонимание их специфики долгое время делали невозможным применение экспериментального метода в социологии. Распространение материализма на область истории, практические потребности явились предпосылками использования эксперимента и в области общественных наук. Тем не менее в философской литературе еще встречаются мнения, что своего собственного экспериментирования социальные науки иметь не могут, или же представления о социальном эксперименте как о крайне ограниченном по своим эвристическим возможностям методе. В качестве аргумента против возможности социального экспериментирования нередко приводится известное высказывание К. Маркса о том, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракт-

ции»¹. Но К. Маркс говорит здесь не о невозможности социального эксперимента, а о специфическом характере средств познания, применяемых при изучении общественной жизни.

Конечно, экспериментирование такого же типа, какое имеет место в естествознании, в социальных науках неосуществимо. Социальный эксперимент всегда проводится непосредственно в процессе общественной практики. В нем невозможно изучение объекта в «чистом» виде, изолированно от окружающей действительности. Но это обстоятельство не должно служить поводом для отрицания применимости эксперимента в обществознании. Ведь и в естественных науках, например, в экологии, многие объекты можно изучать экспериментально лишь в полевых условиях, что не лишает подобные исследования их экспериментального характера. Это говорит о том, что нельзя рассматривать эксперимент метафизически, как метод, неизменный в своих чертах, независимый от специфики изучаемого объекта. С изменением объекта исследования эксперимент также приобретает новые черты и особенности. В чем же они выражаются применительно к социальной сфере?

Исходное и определяющее отличие социального эксперимента от эксперимента в естествознании заключается в том, что в качестве объекта исследования здесь выступают не явления природы, а отдельные стороны общественных отношений. Следовательно, люди являются не только субъектами, но и объектом социального экспериментирования и, естественно, проведение любого социального эксперимента вызывает соответствующую их реакцию на новую форму общественной деятельности. Эта реакция может быть положительной или отрицательной. И если во втором случае трудно рассчитывать на успешное проведение эксперимента, то положительная реакция обеспечивает наилучшее решение поставленных задач. Поэтому важное значение приобретает не только разъяснение целей намечаемого исследования, проведение определенной подготовительной работы, но и исключение таких экспериментов, постановка которых могла бы негативно отразиться на положении и участии его участников. По этой же причине, подводя итоги социальному эксперименту, следует оценивать их и по отношению к проверяемой гипотезе, и по воздействию эксперимента на общественную жизнь. Социальный эксперимент как бы «вплетен» в общественную практику людей. Поэтому в качестве условий его проведения выступают не только наличие разработанной методики, адекватной технической базы (как это имеет место в естествознании), но и уровень развития социальных связей. Зрелость общественных отношений обуславливает как саму возможность постановки эксперимента, так и возможность последующего внесения изменений в социальную действительность в соответствии с полученными результатами.

Как правило, предмет естественных наук (если не касаться мировоззренческих выводов из них) не затрагивает непосредственно классовых интересов. В обществознании же сам предмет изучения — будь то экономика, политика, право и т. д. — тесно связан с классовыми интересами. Поэтому цель, которую преследует постановка того или иного социального эксперимента, выводы, к которым приходит исследователь, во многом зависят от его классовой позиции. Одной из существенных характеристик социального эксперимента является то, что здесь, в отличие от экспериментов в естествознании, измерение, математическое выражение данных применимы в гораздо меньшей степени. Один из пионеров социального экспериментирования, известный русский педагог и психолог А. Ф. Лазурский писал в этой связи, что невозможно, к сожалению, «изобрести весы для взвешивания волевых процессов»². Действительно, социальное экспериментирование дает нам знание не столько о количественных характеристиках исследуемого процесса, сколько о качественных. Сказанное не исключает, однако, использования количественных и статистических методов при проведении социальных экспериментов там, где это оправдано.

Для социального эксперимента характерно то, что он, будучи методом исследования, вместе с тем выполняет функцию совершенствования социальных систем. Недооценка этого момента нередко приводит к расхождению в вопросе определения рассматриваемой категории. Одни обществоведы определяют эксперимент как форму практики. Назначение его они видят в проверке эффективности новых форм общественной деятельности и внедрении их в жизнь с целью совершенствования управления социальными процессами. Другие исследователи акцентируют внимание на характеристике социального эксперимента как метода научного познания. Свою

точку зрения они обосновывают тем, что социальный эксперимент направлен к выявлению таких свойств объектов, которые свидетельствуют о каких-либо закономерностях. С этим нельзя не согласиться, но этого недостаточно.

Как видно, в трактовке социального эксперимента имеются известные расхождения, обусловленные выделением одного из двух аспектов — либо управленческого, преобразовательного, либо — познавательного. Однако социальный эксперимент отнюдь не требует такого разграничения, напротив, как отмечают В. С. Степин и А. Н. Елсунов, он «одновременно принадлежит и к сфере науки и к сфере социального управления, помогая проектировать и внедрять в жизнь новые социальные формы»³. Поэтому более целесообразным представляется подход тех авторов, которые не ограничиваются каким-либо одним из отмеченных аспектов, а выделяют в определении социального эксперимента оба уровня: и познавательный, и управленческий. В числе определений этого рода можно отметить формулировку Р. В. Рывкиной в «Философской энциклопедии», где социальный эксперимент характеризуется как такой «метод научного познания и оптимизации социальных систем, который реализуется через наблюдение за их поведением в контролируемых и управляемых условиях»⁴. Но полностью согласиться с этим определением трудно, ибо под него можно подвести едва ли не любую практически-познавательную деятельность вообще, в том числе и не носящую экспериментального характера. Очевидно, что оно нуждается в уточнении, а именно, в указании на то, что социальный эксперимент — это всегда проверка выводов теории на ограниченном, локальном участке. Кроме того, в определении Р. В. Рывкиной социальное экспериментирование фактически отождествляется с такой формой познания, как наблюдение, а это не одно и то же. Представляется уместным предложить следующее определение: социальный эксперимент — это такой метод научного познания и совершенствования социальных систем, который реализуется посредством целенаправленного изменения условий их функционирования на некотором ограниченном участке для фиксации поведения системы в новых условиях и (при положительном итоге эксперимента) проведения последующих преобразований в более широких масштабах.

Признание социального эксперимента одновременно и формой познания общественных явлений, и методом оптимизации социальных систем позволяет выделить его гносеологическую и управленческую функции. Гносеологическая функция социального эксперимента вытекает из того, что он является одним из методов научного познания, способом, с помощью которого человек отражает мир. Как и любой эксперимент в науке, социальный эксперимент нацелен на проверку определенного предположения и по отношению к предшествующему знанию играет двоякую роль: критериальную (проверочную) и эвристическую (познавательную). Являясь элементом общественной практики, эксперимент выполняет непосредственно роль критерия истинности знания на уровне предметной теории и опосредованно — роль критерия истинности знания методологического характера. Однако, будучи одним из методов познания, социальный эксперимент имеет свою специфику. Она состоит в том, что познавательные задачи, стоящие перед ним, решаются с помощью реальных воздействий на социальную группу, приводящих к изменениям в ее состоянии. Таким образом, при проведении эксперимента в исследовательскую деятельность вторгаются некоторые действия, вытекающие из другой системы — из социально-преобразовательной деятельности. Этот момент нередко вызывает диаметрально противоположные оценки роли гносеологической функции в процессе социального экспериментирования.

«Познавательная функция для практики в широком смысле слова является вторичной, а для эксперимента — основной»⁵, — утверждает, например, З. М. Оруджев. «Познавательная функция эксперимента, однако, всегда является субсидиарной (вспомогательной)»⁶, — подчеркивает П. Гиндев. Вряд ли оправданы столь категоричные утверждения. Видимо, вопрос о примате той или иной функции можно решать лишь по отношению к конкретному типу эксперимента, поскольку в зависимости от его цели, характера исследуемого объекта на первый план может выдвинуться та или иная функция. Однако, если подходить к социальному эксперименту как методу, то здесь с односторонним ответом трудно согласиться. Все рассматриваемые функции выполняют важную роль и, взятые в

единстве, обуславливают качественное своеобразие социального эксперимента как такового. Поскольку любой социальный эксперимент осуществляется внесением изменений в состояние группы, то очевидно, что ему свойственна не только познавательная, но и управленческая функция. Под социальным управлением марксизм понимает сознательное воздействие на общественные отношения в самых различных сферах — экономике, обучении и др. Соответственно, управленческая функция социального эксперимента состоит в поиске конкретных путей и форм использования законов общества, в совершенствовании функционирования социальных систем.

XXV съезд КПСС потребовал «меры по улучшению руководства экономикой... рассматривать как важнейший резерв, использование которого поможет успешно выполнить десятый пятилетний план, дать эффект уже в ближайшем будущем»⁷. Это совершенствование осуществляется как путем внесения изменений в существующие, так и путем поиска, отбора и внедрения новых, наиболее оптимальных методов управления. Эксперимент и позволяет получить данные о целесообразности и эффективности нововведений в системе управления через предварительное локальное их апробирование. Научное руководство обществом в условиях социализма невозможно без предвидения основных тенденций и перспектив общественного развития. Поэтому управленческая функция социального экспериментирования тесно связана с прогнозирующей. Прогностический характер социального эксперимента выражается в том, что он позволяет выявить последствия того или иного социально-экономического мероприятия, дает возможность заглянуть в будущее путем конструирования различных форм социальной действительности. Свообразие этой функции социального эксперимента состоит в том, что он может быть одновременно и завершающим этапом прогнозирования и отправным пунктом, началом его. Последнее связано с тем, что в ходе эксперимента нередко возникают новые гипотезы, которые требуют последующей экспериментальной проверки.

Социальное экспериментирование, будучи тесно связанным с классовыми интересами определенных социальных групп, выполняет идеологические функции. Это проявляется и в классовой позиции исследователя, от которого зависит отбор подлежащих контролю факторов, то или иное истолкование результатов, и в направленности самого эксперимента, поскольку, исследуя ту или иную сторону общественной жизни, он приобретает определенный идеологический характер. В статьях «Научная система выжимания пота», «Система Тейлора — порабощение человека машиной» и других В. И. Ленин дал критический анализ идеологической сущности экспериментов, проводимых буржуазными социологами, показал, что они «делаются против рабочего, ведя к еще большему подавлению и угнетению его...»⁸ Антигуманные цели таких экспериментов влекут и антигуманные методы их проведения. Примером может послужить секретный антигуманный эксперимент «Артишок», проводившийся в начале 1970-х годов в США с целью проверки возможности контролировать и изменять убеждения человека путем скрытого добавления ему в пищу наркотических препаратов. Указывая на хищнические цели социального экспериментирования при капитализме, В. И. Ленин подчеркивал, что лишь при социализме оно приобретает подлинно гуманный характер, ибо служит интересам рабочего класса, всех трудящихся. Для того, чтобы победить капитализм, — писал он, — у нас «должно хватить настойчивости испробовать сотни и тысячи новых приемов, способов, средств борьбы для выработки наиболее пригодных из них»⁹. Эти приемы, способы, средства, широко применяемые Коммунистической партией Советского Союза, государственными и исследовательскими учреждениями, становятся в условиях развитого социализма важным фактором научно-технического прогресса, совершенствования нашей социальной системы.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 6.

² См.: Естественный эксперимент и его школьное применение. — Петроград, 1918, с. 17.

³ Степин В. С., Елсуков А. Н. Методы научного познания. — Минск, 1974, с. 116.

⁴ Рывкина Р. Эксперимент социальный. — Философская энциклопедия, т. 5. — М., 1970, с. 547.

⁵ Философия и современность. — М., 1976, с. 214.

⁶ Гиндев П. Философия и социальное познание. — М., 1977, с. 329.

⁷ Материалы XXV съезда КПСС.— М., 1976, с. 61.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 370.

⁹ Там же, т. 39, с. 20.

С. Р. ГРЕБЕННИКОВ

КЛАССОВЫЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ДУХОВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

В современных условиях, когда в нашей стране достижения научно-технического прогресса соединяются с преимуществами развитого социализма, проблема потребностей во всем многообразии ее аспектов становится особенно актуальной.

Необходимость классового подхода к процессу формирования духовных потребностей молодых рабочих в условиях зрелого социализма объясняется, во-первых, тем, что в жизнь вступают все новые поколения молодых рабочих, осваивающие ценности социализма. Молодежь «...по необходимости вынуждена приближаться к социализму иначе, не тем путем, не в той форме, не в той обстановке, как ее отцы»¹, во-вторых, империализм ведет непрерывную подрывную деятельность против социалистических государств и пытается насадить, прежде всего среди молодежи, свой образ жизни, характеризующийся гипертрофированно развитым культуром потребления вещей и эротических развлечений. «Извращенная информация и тенденциозное освещение фактов, умолчание, полуправда и просто беспардонная ложь—все пускается в ход»². В-третьих, в самих социалистических отношениях возникают новые явления и процессы, требующие осмысления и решения и, стало быть, расширения объема знаний, освоения научной картины мира и принципов коммунистической морали. Причем, общественные явления различаются по степени развитости, зрелости. Выделим пять основных уровней развитости: 1) растущие, набирающие силу явления и элементы коммунистического характера; 2) развитые социалистические явления; 3) социалистические явления, не ставшие еще зрелыми; 4) явления социалистические с некоторыми отклонениями (например, потребительского, обывательского, мещанского характера); 5) отрицательные, негативные явления и элементы, с которыми ведется решительная борьба³.

Следует также учитывать живучесть примитивных стереотипов художественного мышления, передающихся из поколения в поколение. Немалую роль здесь также играют и психологические особенности сознания, его относительная инертность. К духовной культуре, прежде всего, к искусству, и при социализме возможно коммерческое отношение, что в свою очередь порождает возможность распространения и закрепления дурного или неразвитого вкуса. Так, киноискусство не только транслирует информацию, но и вооружает зрителя средствами восприятия этой информации, создает свою аудиторию. Сложность структуры киногероя интеллектуально и эмоционально усложняет человека в зале (и, наоборот, примитив на экране создает примитивного зрителя). В этом и сила киноискусства, и его ответственность.

Будучи членом общества, каждый молодой рабочий в силу своего места в системе общественного разделения труда и обусловленного этим социального положения наблюдает различные общественные явления и процессы лишь под определенным, ограниченным углом зрения, что предопределяет, в известной мере, характер его потребностей, взглядов. Изучая рабочую молодежь, следует учитывать существование социальной неоднородности внутри рабочего класса, которая проявляется в следующих положениях: во-первых, еще не преодолены до конца социальные различия между его отрядами, занятыми в основных отраслях общественного производства. Эти различия обусловлены тем, что еще не достигнуто равенство в использовании общенародных средств производства, что находит свое выражение в неравной оплате труда различных отраслей, а внутри их—отдельных предприятий; во-вторых, не преодолены еще социальные различия между квалифицированными слоями рабочего класса, существование которых обусловлено социально-экономической неоднородностью труда и также находит свое выражение в сфере распределения. Социальные различия находят свое отражение и в отношениях к источникам идеологического воздействия и в целом в идейно-воспитательной работе.